

К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 9. //Правда,
Москва, 1977
FB2: Vitmaier, 2008-05-08, version 1.0
UUID: 0876c398-8209-102b-bf1a-9b9519be70f3
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

Загадочный пассажир
(«Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0006
III.....	.0014
IV.....	.0017
V.....	.0023
VI.....	.0032

**Константин Михайлович
Станюкович
ЗАГАДОЧНЫЙ ПАССАЖИР**

В ночь сочельника трехмачтовый военный крейсер «Руслан» шел под всеми парусами, узлов по десяти, спускаясь к южным широтам.

«Руслан» легко рассекал воду и плавно качивался с бока на бок между волн, казалось, почтительно отступающих от него. Ветер был резкий, холодный, но не крепкий и ровный.

Океанская зыбь еще не улеглась. Она вздувалась, и высокие волны с однообразным тихим гулом лениво разбивались одна о другую, и пенящиеся их верхушки рассыпались алмазною пылью, облитые серебристым таинственным светом месяца.

Холодом и какою-то безнадежною тоской одиночества веет и от заседевшего холмистого океана, и от бесстрастно красивой луны, и от звезд, ярко мигающих с темной бездонной выси. Стоящие на вахте матросы, одетые в буршлаты поверх фланелевых рубах, словно бы поддаются тоске этой ночи. И им острее чувствуется, что жизнь их – скверная, служ-

ба – проклятая и море – постылое. Молчаливые и серьезные, они взглядывают на океан, отворачиваются от него, и в эту рождественскую ночь их еще сильнее манит домой. И они тихо лясничают между собой о далеких своих местах.

И «Ганцакурату Кару Карычу», как прозвали матросы педантичного, хладнокровного, справедливого и добросовестно-недалекого капитана, барона Оскара Оскаровича Нордштрема, и офицерам «очертел» длинный переход. Казалось, в этот вечер большая часть офицеров, засидевшихся в роскошной кают-компании, освещенной электричеством, дольше обыкновенного, скучала и нервничала еще более, чем в прежние дни перехода из Шербурга напрямик в Батавию.

Особенно приуныли семейные.

Даже старший офицер Евгений Николаевич, красивый румяный брюнет с роскошной бородкой, блестящими зубами и золотым *porte-bonheur*'ом [1] на руке, любивший казаться служителем сурового долга, – которому некогда скучать в море, да и неприлично – был сдержанно и достойно серьезен и задумчив.

Обыкновенно великолепный и любивший вставлять веские, авторитетные слова в общие разговоры, любезный со всеми и ни к ко-

му не выказывавший особого расположения, – старший офицер молчал и думал, что встречать праздник несравненно лучше дома, в Петербурге, чем на «Руслане», да еще с людьми, хоть и хорошими, но далеко не такими тонко чувствующими и умными, как он. И, разумеется, Евгений Николаевич не сомневался, что Вавочка, устраивая елку, поплакала о своем одиночестве и, бедная, очень горюет в разлуке.

И с наивною влюбленностью в себя он размышлял:

«Еще бы Вавочке не горевать о нем, внимательном, заботливом, любящем семью! Еще бы не ценить Вавочке такого умного и хорошего человека, который так развил ее ум, так балует подарками! Она знает, что он сделает блестящую карьеру, и семья будет обеспечена. Еще бы не любить такого безукоризненного мужа, который если и изменяет супружескому долгу, то только в дальнем плавании и единственно ради здоровья! Недаром же Вавочка боготворит и смотрит ему в глаза, всегда боящаяся огорчить его. Она – чудная, честная женщина и, разумеется, не позволит себе

„подло увлечься“, как увлекаются многие соломенные вдовы плавающих моряков... Она и не подумает!»

И в ту же минуту Евгений Николаевич мысленно решил, что в Батавии он непременно съездит на берег.

Другие женатые моряки, вероятно, не считали себя такими великолепными идолами, на которых их жены могли бы молиться. Напротив, если некоторые мужья и не были идолопоклонниками, то во всяком случае — верноподданными своих королев-супруг. Вот отчего они и не могли скрыть, что им сиротливо и одиноко вдали от любимых, да еще в такой вечер.

Особенно был подавленно-грустен старший механик Иван Васильевич, необыкновенно добродушный и милый человек, лет за сорок, которого машинисты и кочегары иначе не называли, как «нашим». И все знают, что старший механик тоскует по своей «королеве Марго», как мичманы прозвали Марью Васильевну.

Ни для кого не было секретом, что этот высокий, плотный и сильный молодец с харак-

гером и волей, не позволяющий начальству наступить на ногу, находился в полном рабстве у своей маленькой, худенькой и молодой жены с бледным лицом цыганского типа. Она называла себя непонятой женщиной двадцатого века и не скрывала от Ивана Васильевича, что у него грубая натура, не понимающая ее возвышенной души, и что может понимать ее один только мичман Севрюгин. В утешение она прибавила, что если не оставляет Ивана Васильевича и не ищет заработка, то потому, что она – благородная женщина и не хочет огорчать мужа... Он хоть и низменно ее любит, но любит и ее и детей, так пусть Иван Васильевич остается мужем, не понимая ее, а мичман в то же время будет понимающим другом...

Иван Васильевич еще благодарил жену и, уходя в дальнее плавание, ревел как белуга и обещал привезти все, что написала жена в списке, переданном мужу при проводах.

Лейтенант Вершинин, от скуки выпивавший третью бутылку портера, проговорил:

– Что, Иван Васильевич... Небось, об елке мечтаете?

– Вообще! – деликатно ответил Иван Васильевич.

– То-то вообще... И я вообще думаю, что скучища... Тоже поехал бы к знакомым на елку... А вместо этого с полуночи на вахту... Что бы нам зайти на Мыс... [2] Там по крайней мере... англичанки...

Молодой доктор, сидевший за книгой, поднял глаза на Ивана Васильевича.

«Тоже любовь!» – высокомерно подумал доктор и собирался предложить Ивану Васильевичу применить к нему новое средство излечения от страсти, вычитанное недавно им из медицинского журнала.

Видимо не имевшие темы для разговора два скучающие мичмана лениво перекидывались словами о том, когда Батавия и что там интересного, будут ли они произведены в Новый год в лейтенанты, сколько каждый выплыл ценза [3], и сели играть в шахматы.

– Что бы нам зайти на Мыс! Там по крайней мере англичанки! – раздражительно воскликнул Вершинин.

Мичманы оживленно встрепенулись. И один проговорил:

– Вот так чудесно... А то знакомься с малайками на Яве...

– И отчего в самом деле мы не зайдем на Мыс... И нам и команде следовало бы освежиться... А то за какие вины с ума сходить от одури?

– Вам, господа, только на уме берег... Тогда не поступали бы во флот! – заметил старший офицер.

– Я и уйду из флота, Евгений Николаич!

– В чиновники? – спросил старший офицер.

– В чиновники. Дядя – товарищ министра. Он устроит.

– Нынче везде без протекции ничего не получишь! – заметил Вершинин.

– Уж будто!.. Нужно и образование, и труд, и способности, – авторитетно промолвил Евгений Николаевич.

Мичман Каврайский, худой, нервный молодой человек с умными небольшими глазами, горевшими злым блеском, сидел в стороне, в кресле у фортепиано, слушал и злился. Злился и оттого, что ему противна служба и он служит, и потому, что он молод и часто

кашляет, и потому, что он не знает, к чему приступить и что делать, чтобы не чувствовать постоянного компромисса, и потому, что он не может отделаться от того, что считает позорным, – от лжи, от лицемерия и зависти. Он злился, что слышит здесь одну только пошлость и никто не обращает внимания на его речи, обыкновенно останавливаемые старшим офицером. Он злился и за то, что не может написать на бумаге то, что волнует его и занимает его мысли, – о пересоздании общества, о новой этике, – и за то, что не умеет сложить стихов. Он злился и за то, что он обречен на неизвестность, и что нет у него друга, перед которым мог бы излиться...

Каврайский услышал последние слова старшего офицера, главное – этот тон, увидел красивое, самодовольное лицо.

«Экая ты великолепная скотина!» – хотел крикнуть Каврайский и, вместо этого, волнуясь, проговорил:

– Вы, Евгений Николаевич, конечно, будете адмиралом...

Выходил как будто и комплимент, но старший офицер почувствовал, что хотел сказать

Каврайский, и, словно бы не слышал его слов и обратился с чем-то к доктору.

— К повороту оверштаг! Право на борт! — донесся через люк взволнованный и неестественно громкий голос вахтенного офицера.

И в эту же минуту прибежал сверху рас-сылный и доложил:

— Справа шлюпка с людьми! Огонь подали. Все оживились и бросились наверх.

«Руслан» повернул к огоньку, лег в дрейф, и баркас спустили. Ехать на баркасе вызвался Каврайский. Лейтенант Вершинин, заведующий баркасом, охотно согласился. С Каврайским отправлялся доктор. Взяли одеяла и бочонок с ромом, и баркас отвалил.

— А ведь нас может и залить, доктор! — проговорил Каврайский, правя рулем и не отрывая возбужденных, уже не злых глаз с волн.

— Очень жаль, что вы окажетесь плохим моряком, язвительный мичман... У вас печень не в порядке...

— Не зальет! Людей спасем... — восторженно воскликнул мичман.

И на лунном свете его худое, некрасивое

лицо казалось таким проникновенным, счастливым.

Беспокоились за баркас и на «Руслане».

И белокурый барон говорил старшему офицеру с едва тревожной нотой в голосе:

– Надо было послать баркас, но если основательно сообразить, то, пожалуй, и не следовало бы...

– Уже поздно теперь соображать, барон!..

– О, нет. Сообразить всегда необходимо, Евгений Николаевич!.. Положим, Каврайский – толковый офицер... Найдется в трудном положении...

Старший офицер промолчал.

– Это про что «Ганцакурат»? – тихо спрашивал унтер-офицер, подходя к рулевым на штурвале.

– Опасается за баркас.

– Зря. Ежели люди на шлюпке в океане, то по какой такой причине нашему баркасу пропасть...

– И как людей не вызволить! – промолвил старший рулевой.

– Мичман вызволит. Башковатый и отчаянный, – уверенно сказал унтер-офицер и ото-

шел к своему месту на шканцы.

Прошло полчаса.

Барон то и дело взглядывал в бинокль. Ни шлюпок, ни огня не было видно.

Барон вздохнул.

– Я и говорил, что надо было обсудить прежде, – снова проговорил Оскар Оскарович.

Прошло еще четверть часа.

– Сигнальщик, видишь?

– Никак нет, вашескобродие!..

– Конечно, надо было послать баркас, но...

Барон речи не досказал. Он увидел в бинокль, что баркас идет к «Руслану».

IV

Наконец подошел баркас и был поднят. На палубу вошли десять англичан, видимо, матросов с купеческого корабля, спокойно радостных и счастливо улыбающихся, и совсем непохожий ни на моряка, ни на англичанина немолодой господин среднего роста с большой окладистой бородой, в летнем стареньком пальто, высоких сапогах и с сомбреро на красиво посаженной голове.

Обличье и манера показывали интеллигентного человека. Он, казалось, был равнодушен к своему спасению.

В первое мгновение его приняли за шведа или норвежца.

Но велико было общее изумление, когда доктор весело и радостно проговорил, обращаясь к капитану и офицерам, окружившим спасенных:

– Соотечественник... Русский... Сергей Сергеевич Курганин... Пойдемте, Сергей Сергеевич... Сейчас чаю и закусить...

– А поместитесь ко мне, Сергей Сергеевич! – воскликнул Каврайский, весь мокрый.

Все радостно жали руку бородатому господину. Со всех сторон слышались восклицания:

– Как сюда попали?

– Откуда?

– Куда шли?

– На каком пароходе потерпели крушение?

– Потом расскажете мне подробно, Сергей Сергеевич... А пока отдохните после этого ужасного испытания! – говорил капитан.

Курганин слегка приподнимал сомбреро, показывая кудрявые, сильно заседевшие волосы, и не выказывал никакой радости от того, что находится среди любезных соотечественников, и на все вопросы отвечал коротко и даже сухо: «Шел из Вальпарайсо [4] на грузовом английском пароходе. Вчера ночью он сгорел. Все спаслись и успели взять свои вещи. Другая шлюпка с капитаном и штурманом ночью разлучилась...»

Затем Курганин пошел за инженер-механиком и Каврайским в кают-компанию. Всем бросилось в глаза это равнодушие Курганина, и его посещение Вальпарайсо, и какая-то сдержанность.

Особенно он удивил капитана. Подозвав доктора, он ввел его в свою каюту и тихо и несколько значительно спросил его:

– Кто такой этот господин?

– Я назвал: Курганин.

– Это я слышал, доктор. Но я бы спросил вас, какое его общественное положение, так сказать?

– Не знаю. Не спрашивал, барон... Курганин не из разговорчивых... Но по нескольким его словам видно, что он из интеллигентных людей.

– Зачем же он попал в Вальпараисо? – спрашивал капитан, и его лицо выражало недоумение.

– Верно, путешествует, барон! – нетерпеливо проговорил доктор.

– На грузовом пароходе?

– А что ж... Если нет больших средств.

– Без средств не путешествуют так далеко. Вы заблуждаетесь, любезный доктор... Я плавал много, а в отдаленных странах таких туристов я не видал. Не понимаю. Решительно не понимаю, доктор!

И, видимо старающийся понять и обеспо-

коенный, что не может понять, барон раздумчиво покачал головой и продолжал:

– Очень странно! «Есть много, друг Горацио...» [5] А вы, доктор, пожалуйста, не беспокойте пассажира расспросами... И намекните, чтобы в кают-компании были деликатны... Все-таки не наше дело, почему этот господин в Вальпараисо... Не наше... И вы, доктор, уж пожалуйста, как тоже больше статский человек, позаботьтесь о пассажире, и вообще, чтобы ему было, знаете ли, спокойно и хорошо... Мне кажется, что он болен... Такое у него лицо... Англичане счастливы, что спасены, а он... Может быть, пожар так подействовал на него...

И, несколько конфузясь, прибавил:

– И вот что еще, доктор... Знаете, так деликатно нужно... Если пассажир, вы понимаете... без средств в путешествии, то как-нибудь... предложите ему взять в долг... Я охотно могу передать вам некоторую сумму... У меня есть лишние сто долларов... Так я, доктор...

Все еще ошалелые глаза барона светились выражением доброты и в то же время стыд-

ливости, когда он прибавил:

– И, прошу вас, доктор, чтобы ни одна душа не знала!..

«Славный ты немца», – подумал доктор и сказал:

– Будьте спокойны, барон. Но я думаю, что Курганин не возьмет... Что-то у него в лице есть... И – вы правы – нервы у него, должно быть, не в порядке.

В эту минуту вбежал рассыльный.

– Старший офицер велел доложить: прикажете сниматься с «дрейфы»?

– Разумеется... Сниматься...

И, когда рассыльный вышел, барон, любивший сообщать доктору все свои случайные недоумения, сказал:

– Вот и этих англичан... придется везти до Батавии...

– А им, барон, и Курганину нужно на мыс Доброй Надежды...

– То-то и затруднение. Я решил не заходить на Мыс... Так и доложил в Петербурге управляющему министерством... Мы можем делать шикарный переход... И адмирал мне сказал: «Ну что ж... хорошо!..» И мне хочется

оправдать его слова...

– Да разве, барон, министру так и нужно, если он сказал: «Ну что ж... хорошо...» Право, ему все равно...

– Но мне не все равно! – не без горделивости промолвил капитан. – Правда, появилось новое обстоятельство... Эта шлюпка с русским и англичанами... В том и затруднение... Я уже решил не заходить на Мыс...

– Так завезите англичан и русского в Каптаун [6]... И наша команда освежится... и офицеры... Да и вам, барон, надо развлечься...

– Но как же... Вдруг на Мыс...

– И, право, отлично, барон... Матросы уж затосковали... Да и кают-компания нервничает... Еще бы... Ну, я пойду, барон... Пассажира буду угощать...

– Так вы, доктор, можете по долгу службы подать мне рапорт о том, что для здоровья команды необходимо зайти на Мыс?..

– Обязательно и с восторгом, барон! – сказал доктор и, повеселевши, вышел в кают-компанию.

По случаю аврала офицеры были наверху. Только старший механик оставался около Курганина и хлопотал, чтобы ему скорее подали закусить и чаю.

Неожиданный пассажир хоть и очень интриговал Ивана Васильевича, но уже не производил на него прежнего неприятного впечатления.

Его сухощавое и серьезное лицо, изрезанное морщинами, умное и спокойное, было не из веселых и довольных, и в его глубоко сидящих глазах было что-то тоскливое и вместе с тем непокорное. Но оно не казалось таким сурово-равнодушным и пренебрежительно-сдержанным, каким казалось всем в первый момент появления соотечественника на «Руслане».

Но все-таки что-то странное, непохожее на других, что чувствовалось в этом скромно одетом молчаливом господине, несколько стесняло добряка Ивана Васильевича, и он деликатно не навязывался к нему с расспросами.

Старый механик то и дело пододвигал Курганину то сыр, то колбасу, то разные консервы и вино, и был очень доволен, что человек, только что выскочивший из большой опасности, сидит здесь, где тепло и светло, и уписывает все за обе щеки почти что с жадностью.

Пришел доктор и стал угощать гостя.

– Уж меня угощает господин инженер... Спасибо. Я ем за троих. Забыли взять провизию с парохода.

– И вы не ели сутки?

– Вода была...

Он потом выпил два стакана чаю и спросил:

– Вы куда идете, господа?

– В Батавию, – отвечал механик.

Несколько минут прошло в молчании. Пассажир с удовольствием пил чай.

– Ура! Идем на Мыс! – радостно воскликнул лейтенант Вершинин, входя в кают-компанию. – Сейчас барон велел переменить курс. И пообедаем же мы на берегу после подлых консервов! И увидим, доктор, женскую красоту... Там ведь англичанки. Готовьте только денежки, доктор и Иван Васильевич!

Старший механик добродушно запротестовал.

– Не врите... Я женатый...

– Скажите, пожалуйста, какой Иосиф прекрасный!.. [7] Жена в Кронштадте, а вы будете в Капштадте... Наверно туда дернем. От Каптауна два шага...

И, обращаясь к Курганину, лейтенант сказал:

– Мы вас спасли, а вы – нас. Из-за вас да англичан капитан идет на Мыс... Следовательно, не спаси мы Вас, не видать бы нам англичанок... Восхищайся малайками... Так позвольте выпить за ваше здоровье... Какого вина прикажете?

– Никакого.

– Почему?

– Не пью.

– По принципу?

– Из-за печени.

– В таком случае один выпью... Ваше здоровье!

Пришли в кают-компанию и другие офицеры. Все были оживлены.

Еще бы! Через два дня моряки будут на бе-

регу.

И по такому-то случаю кто-то велел подать бутылку шампанского. Содержатель кают-компании приказал подать десять бутылок.

– Согласны, господа?

Все, разумеется, согласились.

Выпили за скорый приход на Мыс. Выпили за капитана, за старшего офицера, за кают-компанию.

Доктор и Каврайский предложили тост за спасенного соотечественника.

Тост был принят сдержанно. Пассажир не разделял общего оживления и многим казался несимпатичным и даже подозрительным. Не рассказывает ни о пожаре на пароходе, ни о себе, ни о том, чем занимается и зачем путешествует.

Подвыпивший Вершинин даже подумал: «Уж не стибрил ли пассажир крупного куша и не бежал ли из России? По всему видно, что умный человек!»

Однако все подняли бокалы. Курганин только пригубил из своего бокала.

А Вершинин чокнулся и «дипломатиче-

ски» спросил пассажира:

– Мне кажется, я вас встречал в Петербурге?

– Возможно... Я долго жил в Петербурге.

– Так... так... Извините... Не были вы директором банка?

– Нет! – усмехнулся пассажир.

– Значит, ошибся... А очень на вас похож один директор банка...

– Если бы Сергей Сергеевич был директором банка, то не путешествовал бы на грузовом пароходе! – заметил мичман.

А Каврайский озлился и хотел проучить Вершинина, но вместо того сказал ему:

– Вы... много выпили шампанского!

Молчаливый пассажир взглянул на мичмана, и в глазах его мелькнула ласковая улыбка.

Особенно не нравился пассажир старшему офицеру. Он сразу почувствовал, что этот господин совсем чужой и не из «порядочных» людей. Это видно и по костюму, и по серой фланелевой рубашке, и по несколько грубоватым рукам.

«Да и черт знает, что это за птица? Рус-

ский – так и будь русским! Должен почувствовать, что с русскими!.. А между тем сидит точно янки... Скотина!.. Точно не знает приличия».

И старший офицер с усиленной любезностью проговорил:

– Не будет нескромным, если спрошу, давно ли вы из России?

– Год...

– И, верно, соскучились по России?

– Нисколько! – просто и искренно ответил пассажир.

Многие переглянулись.

– Даже нисколько?.. Вы – оригинальный соотечественник! Ведь как там границы ни хороши, а отечество... свое... родное! – впадая в некоторый пафос, продолжал старший офицер. – И там свое дело... служба... друзья... И, главное, домашний очаг... Жена... дети...

И так как пассажир поднял свои внимательно-серьезные глаза на Евгения Николаевича и не торопился отвечать, ожидая, что еще скажет этот видимо влюбленный в себя моряк, то старший офицер почувствовал к пассажиру еще большую неприязнь и, вне-

запно закипая злостью, продолжал:

– И что, собственно говоря, особенно привлекательного в заграницах?.. Разве что природа, да, пожалуй, хорошие гостиницы... А если сравнить, где проще и сердечнее люди, где больше не показного, а настоящего патриотизма... Где?.. Неужели все эти говорильни не показали их бессилия сделать что-нибудь серьезное...

Пассажир по-прежнему молчал.

И старший офицер не без раздражения спросил:

– Вы, верно, не согласны со мной?..

– Не согласен!

Многие с удивлением взглянули на пассажира.

А старый механик, разрешивший себе кроме шампанского пройтись и по хересам и почувствовавший себя решительно несчастным вдали от королевы Марго, обратился к пассажиру и, слегка заплетая языком, проговорил:

– Сергей Сергеевич!.. Вы не согласны. И это ваше дело. Быть может, и я с вами соглашусь, если узнаю, почему вы не согласны... Но вот мы здесь... Черт знает где... Вы чуть не погиб-

ли. Так неужели вас не тянет в Россию... к домашнему очагу?.. А я так сейчас бы в Кронштадт... Извините, Сергей Сергеевич... Сию бы минуту...

– Да у меня семейного очага нет, Иван Васильич! – промолвил пассажир.

– Вы, верно, спать хотите, Сергей Сергеевич? – с дипломатической целью спросил доктор.

– И очень.

С этими словами пассажир встал и, сделав общий поклон, ушел в каюту в сопровождении Каврайского.

Когда шампанское было выпито и пора было расходиться, старший офицер не без таинственности произнес:

– А ведь загадочный пассажир!

Почти все согласились, что загадочный.

Были разные предположения: или у пассажира на душе преступление, или он – государственный преступник, бежавший из Сибири, или политически неблагонамеренный человек.

Доктор и Каврайский протестовали против всех предположений.

– Но кто же он такой? – допрашивали офицеры.

– Отчего не объяснит, кто он?

VI

В течение двух дней пассажир сидел в каюте и что-то писал. В кают-компании он по-прежнему был малоразговорчив и на вопросы отвечал лаконически. От предложения доктора дать взаймы он отказался.

Он поблагодарил доктора и сказал:

– Я могу зарабатывать везде... А у меня теперь скромные привычки!

Пассажир заинтересовал всех офицеров. А старший офицер даже начинал трусить. И перед приходом в Каптаун доложил и без того озабоченному капитану:

– Как бы чего не вышло, барон... Если пассажир и вдруг... опасный злоумышленник.

– Так нам какое дело... Мы спасали человека в море! – негодуяще сказал барон. – И почему он должен быть злонамеренным?

Однако и барон был смущен. Ведь в самом деле он так и не знает, кто же у него пассажир. Надо же обозначить в рапорте, какого звания спасенный...

– Как же выйти из этого затруднения? – спрашивал барон.

– Очень просто. Спросите у пассажира... И пусть покажет паспорт...

– Пфуй, как вам не стыдно, Евгений Николаевич! Пфуй! Schande!.. [8] Я и так поверю, что он скажет... И по долгу службы спрошу... И запишу, как он покажет...

Когда «Руслан» бросил якорь и пассажир пришел проститься с капитаном, барон крепко пожал руку Курганина, пожелал всего лучшего и, краснея, прибавил:

– Извините... Мне придется написать в рапорте, кого нам бог привел встретить в океане и отвезти в Каптаун... Ваше звание... или чин... или... ну, как вам угодно, Сергей Сергеевич... А мне никакого нет дела... извините... Или...

Пассажир улыбнулся и подал свой заграничный паспорт.

– О, мне не надо... Не надо...

– Так, верно старшему офицеру необходимо. Не угодно ли...

Старший офицер взял и прочитал:

«Отставной статский советник князь Сергей Сергеевич Курганин».

Евгений Николаевич, несколько сконфу-

женный, возвратил пассажиру паспорт.

Курганин простился с офицерами и с некоторыми матросами и уехал на берег.

Когда все офицеры узнали, кто был пассажир, он сделался во мнении всех еще более загадочным.

1901

1

браслетом без застежки (франц.)

[^^^]

2

Что бы нам зайти на Мыс... – Имеется в виду мыс Доброй Надежды на южном побережье Африки.

[^^^]

...сколько каждый выплыл ценза... – По «Положению о морском цензе» 1885 года производство в каждый следующий чин во флоте было обусловлено «совершением определенного для каждого чина числа плаваний».

[^^^]

4

Вальпараисо – город на Тихоокеанском побережье Чили.

[^^^]

5

«Есть много, друг Горацио...» – незавершенная цитата из трагедии Шекспира «Гамлет». Гамлет говорит: «Есть много, друг Горацио, тайн» (акт 1, сц. 5).

[^^^]

6

Каптаун (Кейптаун, Капштадт) – город на южном побережье Африки.

[^^^]

Скажите, пожалуйста, какой Иосиф прекрасный!.. – Иосиф Прекрасный – имя библейского юноши, проданного братьями в рабство в Египет, где при дворе фараона его тщетно пыталась соблазнить жена царедворца Потифара (Пентефрия). Его имя стало синонимом целомудрия.

[^^^]

Срам! (нем.)

[^^^]